

Глава 37. Кость пипа

Дуань Иньхэ вошел в зал, где собрались музыканты, и, поправив подол одежд, медленно опустился на место. Но едва его пальцы замерли над струнами, к нему поспешно подошел мальчик-слуга Истинного Мин Лана. Бережно прижимая к груди инструмент, он звонко провозгласил:

— Истинный мастер дарует вам цитру. Имя ей — «Сумерки на зелёных горах».

Среди собравшихся пронесся гул изумления. Всем было известно, что «Сумерки на зелёных горах» — лучшая среди знаменитых цитр. Ее звучание подобно чистому звону капли, а эхо пронзительно, точно зимний иней. Мин Лан приложил немало усилий, чтобы заполучить это сокровище, и никогда прежде не выставлял его напоказ.

И теперь он позволил играть на ней какому-то «сосуду»?

Дуань Иньхэ перевел взгляд на древнюю цитру, чей корпус отливал глубокой изумрудной зеленью. Помедлив, юноша коснулся кончиками пальцев струн. Стоило ему слегка потянуть их, как те задрожали, но инструмент не издал ни звука.

Он нахмурился. Отняв руку, он увидел на подушечке пальца тонкую кровавую рану.

В отдельном кабинете Истинный Мин Лан неспешно подливал себе ароматный чай. Вернувшийся мальчик-слуга с недоумением спросил:

— Истинный мастер, зачем вы отдали «Сумерки на зелёных горах» тому, кто даже не владеет искусством игры?

Мин Лан тонко улыбнулся:

— С тех пор как эта цитра попала ко мне, я ни разу не смог извлечь из нее мелодию. Всё потому, что ее струны не подвластны магической силе. Она жаждет человеческой крови. Лишь когда алая влага окрасит изумрудное дерево, подобно закатным сумеркам в горах, она зазвучит. Коснувшись их, музыкант отдает свою жизнь по капле.

Мастер сделал глоток и добавил:

— Но когда песня смолкнет, от десяти нежных пальцев обычно остаются лишь голые кости.

Мальчик вздрогнул и невольно прошептал:

— Неужели этот «сосуд» когда-то чем-то оскорбил вас?

Мин Лан медленно покачал головой:

— Вовсе нет. Когда-то я даже возлагал на него большие надежды. Без чьих-либо наставлений он сумел постичь искусство меча моей школы Хуаян на восемь частей из десяти. Поистине, ослепительный гений.

Лицо мастера исказила едва заметная гримаса.

— Но, увы, теперь он пал так низко, что стал лишь игрушкой для чужих забав.

Мужчина прищурился, и голос его стал совсем тихим:

— Силой отнимать «кость меча» — занятие, лишенное изящества. Куда правильнее заставить его осознать всю глубину своего падения. Пусть этот мечник познает истинное унижение, и тогда сам приползет ко мне, умоляя о защите.

Слуга замер, внезапно осознав правду:

— Так этот юноша и есть... Дуань Иньхэ?

Мин Лан удовлетворенно кивнул:

— Да. И в этот раз он сам пришел в расставленные сети.

В зале Дуань Иньхэ сидел перед цитрой, и его белые одежды казались ослепительными в ярком свете ламп. Похоже, он догадался, в чем секрет инструмента. Опустив взор, он намеренно прижал палец к самой острой струне, позволяя крови окропить дерево, и спокойно заиграл простейшую мелодию — «Чан Цин».

Звуки цитры принесли с собой дыхание метели. Каждая нота веяла холодом. Юноша играл сбивчиво, порой обрывая нить мелодии. Он не смел поднять головы, напоминая раненого журавля со сломленной шеей.

В этом безмолвном страдании было нечто... невыносимо жалкое.

Пэй Буцзюэ сжал в руке чашу из белого нефрита и нахмурился. Он взглянул на шкалу задания, которую вывела Система 059. Прогресс всё еще не достиг нужной отметки, но он, вопреки логике, поднялся и толкнул дверь.

[059 вздрогнула от неожиданности]

[Хозяин, что вы задумали?!]

Пэй Буцзюэ не ответил.

Руки, когда-то сжимавшие рукоять меча, теперь терзали безжалостные струны. Дуань Иньхэ больше всего на свете не хотел, чтобы кто-то видел его в таком состоянии — особенно здесь, в Дунли.

Спустя мгновение подушечки пальцев на его правой руке превратились в кровавое месиво. Шумные пересуды в зале внезапно стихли, сменившись странной, зловещей тишиной.

Мечник ничего не замечал. Когда он снова замахнулся, готовясь ударить по струнам, чья-то ладонь — белая, с длинными изящными пальцами — властно перехватила его запястье.

Пэй Буцзюэ незаметно спустился вниз и теперь стоял прямо перед ним. Его лицо было холодным, точно лед, а взгляд — пугающе отстраненным. Он медленно коснулся окровавленных пальцев юноши.

Затем, недовольно поджав губы, демон бросил:

— Играешь — слушать тошно.

Дуань Иньхэ долго молчал, прежде чем выдавить:

— Простите.

Его рука всё еще оставалась в хватке собеседника. В общем зале кто-то из гостей не выдержал и выкрикнул:

— Истинный мастер даровал тебе цитру — это великая честь! С чего вдруг этот раб строит из себя невесть что? Каков хозяин, таков и слуга — оба лишены всякого воспитания.

Пэй Буцзюэ промолчал. Он лишь скользнул по крикуну небрежным взглядом. В уголке его

глаза хищно полыхнула алая родинка — знак нарастающего гнева.

Ледяная красота мужчины в багряном шелке заставила наглеца поперхнуться словами. Сам не понимая почему, тот внезапно покрылся холодным потом.

Пэй Буцзюэ медленно отпустил руку Дуань Иньхэ и ровным тоном произнес:

— Я тоже люблю музыку. Но лютню-пипа я ценю куда больше цитры.

С этими словами он спокойно сошел с помоста и направился прямо к тому, кто только что выкрикивал оскорбления. Человек попятился, инстинктивно хватаясь за рукоять меча.

— Мастер Мин Лан еще здесь! Что ты задумал?! — вскрикнул он.

Губы Пэй Буцзюэ тронула едва заметная усмешка:

— Если дар Мин Лана — великая честь, то стать моей лютней — и вовсе благословение небес, которое ты заслужил своей глупостью.

Присутствующие не успели осознать смысл этих слов. Пэй Буцзюэ молниеносно выхватил меч. Серебряная сталь насквозь прошла грудь обидчика и тут же, без малейшего сожаления, вернулась в ножны. Очевидцы лишь увидели, как юноша в красном небрежно стряхнул с лезвия цепочку алых капель.

В его глазах всё еще плясали искорки смеха, когда он произнес:

— Говорят, лютня из человеческой кости звучит лучше всего.

Он не использовал магию — лишь чистую, нечеловеческую скорость. Удар был нанесен с такой легкостью и изяществом, будто он просто смахнул надоедливую пылинку. Жизнь человека оборвалась мгновенно.

Поскольку это была ссора между младшими, Истинный Мин Лан не спешил вмешиваться. Но Пэй Буцзюэ перешел все границы дозволенного. Ярость захлестнула присутствующих; забыв о приличиях и правилах, они, поддавшись единому порыву, бросились в атаку.

Как говорится, даже если ты не мастер, толпа раздавит любого. Дуань Иньхэ, увидев это, не раздумывая вскочил с места и в мгновение ока оказался рядом с Пэй Буцзюэ.

В такой момент ему следовало бы бежать, спасая свою жизнь... Но он встал живым щитом перед демоном.

Его раненая рука крепко сжала серебряные ножны. Капли крови падали на пол, точно лепестки красной сливы на снег. Пэй Буцзюэ бросил на него короткий взгляд, но промолчал.

Дуань Иньхэ ясно сознавал: он стоит здесь не только ради этого человека. Он ненавидел эти унижения, ненавидел вечную необходимость склонять голову.

Раз уж всё зашло так далеко, он хотел с мечом в руках заставить этих людей проглотить их гнусные слова.

Кровь стекала по клинку. Дуань Иньхэ снова, как тогда на вершине горы Сунмин, оказался один против целого мира. Его тонкий силуэт затерялся в толпе, а белые одежды начали покрываться кровавыми цветами.

Но его меч не ведал сомнений. Казалось, каждый выпад способен пронзить насквозь весь город Дунли.

Оуян Тин, не участвовавший в схватке, внезапно задрожал. Ему были до боли знакомы эти приемы. Это была последняя форма искусства меча школы Сунмин — «Благословение восточного ветра».

Но теперь эта техника изменилась до неузнаваемости. В ней больше не было прежнего спокойствия; теперь в каждом движении сквозила отчаянная решимость и неуловимое, почти коварное лукавство.

В тот день, сражаясь с Пэй Буцзюэ, Дуань Иньхэ начал понимать суть его мастерства. Меч Пэй Буцзюэ не черпал силу у небес или земли. Он рождался в самом сердце — чистый, первозданный и бьющий точно в цель.

Дуань Иньхэ сражался иначе... Но лишь сейчас он до конца понял смысл тех слов.

«Кто встанет на моем пути... — он вспомнил холодный голос демона, — того я убью»

Меч создан для того, чтобы забирать жизни.

Он сражался всё яростнее, не зная пощады. Но в пылу битвы, под градом ударов, черная маска, скрывавшая лицо юноши, треснула и безжизненно упала на пол. Его облик предстал перед всеми.

Оуян Тин ахнул, и имя «Дуань Иньхэ» сорвалось с его губ.

В тот же миг нападавшие, как по команде, замерли. Они смотрели на него придирчивыми, полными ядовитого сарказма взглядами. И плевать им было, что этот человек только что в

одиночку сдерживал их натиск, проявляя чудеса мастерства и негибаемую волю. Стоило им увидеть его лицо, как их перестал интересовать его меч.

«Кость меча», «испорченный сосуд», «я тоже такого хочу»... Эти слова градом посыпались из их ртов. Когда-то Дуань Иньхэ был первым гением Дунли, но теперь в их глазах он перестал быть врагом. Он превратился в вещь, за которую стоило побороться.

В их взглядах не было ни уважения, ни настороженности, положенной воинам. Они даже не смотрели на него как на человека.

Эти взгляды и шепотки, точно фальшивая, нестройная музыка, вонзались в уши Дуань Иньхэ. Его пальцы, сжимавшие меч, судорожно задрожали, а в душе вспыхнул пожар, который невозможно было потушить.

Он хотел убить их всех. Каждого до единого.

Но... он всё еще был недостаточно силен.

Тяжелая, всесокрушающая аура обрушилась на зал. Дуань Иньхэ, лишенный магических сил, почувствовал себя крошечным насекомым перед лицом этой мощи.

Лишь когда личность «кости меча» была раскрыта, Истинный Мин Лан плавно спустился сверху. Он лишь слегка взмахнул рукавом, и толпа, жаждущая крови юноши, послушно отступила назад.

Мастер медленно подошел к мечнику и негромко произнес:

— Бедное дитя...

Затем он с улыбкой добавил:

— Иньхэ, я помню, как когда-то на горе Сунмин давал тебе наставления. Попроси меня сейчас, признай своим господином, и я обещаю: до конца своих дней ты не узнаешь ни боли, ни горя. Согласен?

Он предлагал выбор, но его длинный меч уже упирался в позвоночник Дуань Иньхэ. Угроза была очевидна: один отказ — и кость будет вырвана из тела.

Мечник не мог пошевелиться. Под гнетом ауры мастера стадии Великого Просветления его голова начала клониться всё ниже.

Где сейчас Пэй Буцзюэ? Что с ним стало в этой неразберихе?..

В шаге от смерти юноша вдруг почувствовал странную легкость. Смешно сказать, но в это мгновение он думал лишь о Пэй Буцзюэ.

[Хозяин! Шкала почти заполнена! Умоляю, сохраняйте спокойствие!..]

Система 059 следила за индикатором выполнения задания и, помня о наставлениях хозяина, вовремя подала голос.

В Дунли находилась «кость меча», и великие мастера, тайно наблюдавшие за городом, не могли позволить Мин Лану единолично завладеть таким сокровищем. Отбросив приличия, стоило им получить весть, они тут же устремились к постоянному двору на своих мечах.

В мгновение ока небо над городом озарилось вспышками молний.

Истинный Мин Лан недовольно взглянул вверх и взмахом руки воздвиг над зданием мощный барьер. Больше он не собирался ломать комедию и заставлять юношу молить о пощаде. Надавив на позвоночник Дуань Иньхэ, он вознамерился насильно впихнуть ему в рот пилюлю Очищения Души.

Внезапно пальцы мастера замерли.

Чудовищная, всепоглощающая мощь, превосходящая его собственную, накрыла всё вокруг. В этой ауре не было магии — лишь ледяное, пропитанное кровью безумие. Мин Лан в ужасе вскинул взгляд к небу, но никто не пересекал границы его барьера.

Эта аура, свирепая и неудержимая, захлестнула весь город. Прибывшие мастера почувствовали: близится нечто ужасное. Еще до того, как они достигли цели, небесная кара, воплощенная в разрядах молний, начала неистово хлестать землю.

Барьер Истинного Мин Лана рухнул. Прежде чем он успел осознать случившееся, чья-то рука властно прижала его пальцы к столу.

Пэй Буцзюэ в своих багряных одеждах, точно призрак, беззвучно возник прямо перед ним. В левой руке он лениво держал лютню, вырезанную из человеческой кости, а правой, не допуская возражений, заставил мастера убрать пилюлю.

Демон в упор посмотрел Мин Лану в глаза. В его взгляде плясала усмешка, но голос был холодным, как свежесвыпавший снег.

— Дуань Иньхэ — мой меч.

Мин Лан не нашел что ответить. Ему пришлось стремительно отпрянуть, уклоняясь от клинка, со свистом покинувшего ножны на поясе Пэй Буцзюэ.

Яростная волна силы заставила мужчину отступить на добрую сотню чжанов и замереть на крыше соседнего здания. В тот же миг за его спиной в воздухе возникли десятки сияющих мечей.

Шквал ветра, предвещающий бурю, сорвался с небес, и тысячи молний ударили в землю. Те, кто парил в вышине, одновременно выкрикнули вопрос, прозвучавший подобно удару колокола:

— КТО ТЫ ТАКОЙ?!

В сумраке гнущегося дня полы алых одежд Пэй Буцзюэ развевались, точно кровавый лотос, расцветший посреди пепельной пустыни. Он перехватил меч, заслоня собой Дуань Иньхэ, и с ледяным спокойствием назвал свое имя:

— Тучуань Гу. Пэй Буцзюэ.

Затем он склонился к юноше. Его пальцы были холодными, когда он неспешно стер кровавый след с его щеки.

— Хочешь, чтобы я победил? — негромко спросил Пэй Буцзюэ.

Дуань Иньхэ посмотрел на него и хрипло выдохнул:

— Хочу.

Пэй Буцзюэ вложил костяную лютню в его руки и улыбнулся:

— Тогда в этот раз сыграй что-нибудь стоящее.

Небо было усыпано сталью, но Дуань Иньхэ без тени страха опустился на помост. Забыв обо всем мире, он коснулся струн, вплетая в мелодию звуки битвы, которую вел демон, звон стали и свист ветра.

Великие мастера, полные ложного благочестия, замерли, очарованные этой безумной поэзией клинка и звука.

Дуань Иньхэ запомнил этот день навсегда. Как мечнику, ему больше не доводилось видеть столь прекрасного искусства.

Смерть дышала в спину, земля была залита кровью, но в сером свете дня лишь меч Пэй Буцзюэ сиял неугасимым пламенем. Его движения были текучими и стремительными, точно полет напуганного лебедя. Серебряное лезвие пело свою холодную песнь, а алая родинка в уголке глаза мастера казалась самой яркой каплей крови на клинке.

Дыхание Дуань Иньхэ перехватило, и звуки лютни начали затихать.

Но для самого Дуань Иньхэ самым важным стало то, что случилось в конце. Пэй Буцзюэ подошел к нему и, с улыбкой коснувшись его лица, произнес мягко и низко:

— Пьяные струны вплетаются в лютню, в кости красавца — изящная статья.

<http://bllate.org/book/15843/1439141>